

СОЧИ ПОСЛЕВОЕННЫЙ: ГОРОДСКОЙ ПОРЯДОК КАК ОСОБЕННОСТЬ
РЕЖИМНОГО ГОРОДА

НАТОЛОЧНАЯ О. В.
канд. ист. наук, доцент кафедры
отечественной истории СГУТиКД

POST-WAR SOCHI:
MAINTAINING THE ORDER
IN TOWN AS A PECULIARITY
OF SECURE TOWN

NATOLOCHNAYA O. V.

Статья посвящена процессу организации городского порядка в городе-курорте Сочи в период после окончания Великой Отечественной войны.

The article considers the process of organization of order in the town in resort of Sochi in the period of World War II ending.

Ключевые слова: город-курорт Сочи, городской порядок, милиция, МВД, МГБ.

Keywords: resort of Sochi, town order, militia, Ministry of Internal Affairs, Ministry of State Security.

УДК 342:94 (47)

В феврале 1949 г. Сочинский городской отдел милиции был реорганизован в Управление МВД города Сочи. В тот же год была введена новая форма для офицерского и рядового состава милиции, приняты меры к существенному улучшению материального и бытового положения сотрудников. Хостинское, Мацестинское, Ново-сочинское отделения милиции были преобразованы в 1, 2, 3 городские отделения милиции со штабами (соответственно 42, 16 и 14 человек). Вместо отделений линейных служб были образованы отделы уголовного розыска с двумя отделениями (всего 22 чел.), ОБХС (10 чел.), наружной службы (25 чел.). В его состав входила детская комната, ГАИ (15 чел.), паспортный стол (23 чел.) вместе с адресным бюро, ОВИР, пожарная охрана. В состав Управления входили: оперативный отряд (постовая служба – 123 чел.), оперативные отделения (3 чел.), секретариат (4 чел.), спецотделение (3 чел.), отделение А – контрразведки (3 чел.), разведки (5 чел.), фельдсвязи (5 чел.), финансовая (4 чел.), хозяйственная (24 чел.), строительная (1 чел.), группа кадров (2 чел.), ББ (2 чел.), мобилизационная (1 чел.), по спецпереселенцам (1 чел.), особая инспекция (2 чел.), дежурная часть (3 чел.), санчасть (5 чел.) [1].

Первым начальником Управления Сочинской милиции был назначен М.И. Абрамов, его заместителем – К.П. Бурдиянов. С июля 1949 г. начальником Управления стал полковник милиции М.В. Барсуков. Раскрываемость преступлений в то время была 70–72 %.

В апреле 1949 г. приказом МВД СССР «Об укреплении милиции 12 городов» город Сочи был отнесен к городам особого списка. К личному составу милиции стали предъявлять повышенные

требования. Аттестованным сотрудникам, не имевшим семилетнего образования, предложили учиться без отрыва от основной работы в общеобразовательной школе. По договоренности с ГорОНО при управлении были организованы классы вечернего и заочного обучения, начиная с 4 класса.

В октябре 1949 г., согласно приказу МВД-МГБ «О переводе из МВД СССР в МГБ СССР пограничных войск и милиции», Управление города Сочи было преобразовано в Управление милиции МГБ г. Сочи. Начальником УМ до 1957 г. оставался М.В. Барсуков. Был дополнительно создан 4-й городской отдел милиции, обслуживающий центр города. В 1951 г. военно-учетный стол был передан военкомату, а группа спецпоселений – в МГБ. Было создано следственное отделение.

Для отдыхающих в Сочи в первое послевоенное десятилетие город был единственным местом, где они могли увидеть архитектуру, живопись, скульптуру, похожую на сказку, на воплощенную мечту. Более того, в городе в течение всего года, независимо от курортного сезона, был полный порядок и тишина. Если сравнить Сочи этого периода с другими городами страны, то, можно сказать, преступности в Сочи не было вообще. Да ее и не могло быть, так как курортный город не только находился на особом положении, входя в число 12 городов «особого списка». В 1948 г. Сочи стал самостоятельным административным центром в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 августа 1948 г. «О выделении города Сочи из Краснодарского края в самостоятельный административный центр республиканского подчинения». В городе было создано городское Управление внутренних дел, которое подчинялось непосредственно Министерству внутренних дел СССР.

В письме С. Кузьмичева на имя Берии в 1948 г. было написано: «К работе органов МВД города Сочи предъявляются особые повышенные требования по обеспечению охраны общественного порядка. Работа милиции города Сочи,

по существу, должна быть образцовой и показательной, так как за ее работой следят отдыхающие, прибывшие из всех областей и республик Советского Союза. Необходимо пересмотреть существующие штаты МВД и особенно милиции и определить такое количество, которое обеспечит в полной мере охрану порядка в городе. Имеющаяся тенденция Управления МВД края – сокращения существующего штата в городе Сочи – неправильная, так как руководство Управления МВД края по существу недооценивало и недооценивает специфичность работы Сочинского Отдела МВД» [2].

О том, каким тихим и спокойным был город после войны, свидетельствуют его жители и сотрудники милиции, работавшие в МВД. «Отслужив и отвовавшись, я уволился из армии и летом 1946 г. двинул навстречу новой жизни. Начинать ее предстояло в городе Сочи, где к тому времени поселились мои родители. Преодолев бесчисленные зигзаги на дороге из Адлера, автобус вырвался на широченное, гладкое шоссе. Все как-то стало совсем по-другому, даже автобус перестал рычать и завел негромкую, протяжную песню. Я почувствовал, что въезжаю в необыкновенный город. Мне казалось, что меня приветствуют своими жезлами на перекрестках стройные и подтянутые милиционеры в белых мундирах и белых перчатках», – так писал в своих воспоминаниях А.М. Галкин [3]. «Город был спокойный, очень спокойный. Милиции не особо много было», – вспоминает Г.М. Орлова. Это она явилась прототипом знаменитой скульптурной композиции московского скульптора И.И. Зенякиной, присланной в 1950 г. в Сочи для работы над созданием статуи для нового здания вокзала «Девушка с кувшином», стоящей ныне во дворе музея города-курорта Сочи на ул. Воровского, а ранее стоявшей в одном из двориков железнодорожного вокзала [4]. «Мы не закрывались, замков не знали. Мы жили как при коммунизме. Мы никогда не закрывались. На работу ходи-

ли и не закрывали ничего. Никто никогда ничего не брал», – вспоминает А.И. Наливайко, переехавшая в Сочи из Краснодарского края по специальному набору для работы в колхозах города [5]. В.Ф. Цыбанков, секретарь горкома комсомола в 1950–1954 гг., рассказывает: «Город Сочи всегда отличался от всех городов Краснодарского края даже. Его характерная отличительная черта, это, как бы там ни было, но благоустроенность южная, много цветов, много зелени. Тишина была. Кроме того, приморский климат, наличие самого моря всегда влекло сюда людей на отдых. И обстановка, как мне казалось, всегда была спокойная. Можно было круглые сутки гулять по городу, никто вас не тронет» [6].

П.В. Старченко, работавший следователем в МВД города Сочи в конце 1940-х – начале 1950-х гг. рассказывает: «В то время, когда здесь находился Сталин, а он в «Зеленой роще» был, порядок был. Что мы для этого делали? Мы, начиная от начальника УВД и начальников отделов, и все сотрудники милиции дежурили по городу с 19:00 до 24:00 патрулировали. И так каждую ночь. И начальник УВД с нами ходил» [7].

Наиболее громким судебным процессом, проходившим в городе в этот период времени, был суд над хулиганами, учинившими драку, переросшую в погром, на улице Гагарина. Ее спровоцировали семеро отдыхающих из Тбилиси молодых парней. «И с ними девки были», – рассказывает Петр Владимирович, – «Они были гречанками. И они прямо вот так цеплялись к парням. Все приходили в суд, но постоянно изменяли свои показания. Пытались применить подкуп. Поэтому пришлось применить диктофон, чтобы их уличить. Из Краснодара требовали скорее закончить дело. То есть тогда, чтобы пойти на подлость, мысли ни у кого не было» [8]. И еще одно интересное дело было в городе, связанное на этот раз с кражей имущества. Долго не могли поймать грабителя, работавшего в санаториях. «Он совершал кражи по санаториям и назывался у нас по агентур-

ному делу «Рыбак». У него удилице было, леска на конце, вот такая свинцовая эта самая болванка. При подходе к балкону он леску вытаскивает, забрасывает толчок и – лезет. Балконы всегда открытые были. Через балкон в любую палату можно было войти. Он посмотрел, что никого нет и шурует. В последний раз он залез, намазанный маслом, в одних трусах. Схватишь его и никогда не удержишь. Это специально жулье такое делало. Кражи были, но очень редко. А вот этот «Рыбак» для нас ЧП было. Из Краснодара звонили, говоря, что у нас целая армия, а мы не можем справиться с одним вором. Впоследствии его осудили. 12 лет дали» [9].

Из докладной записки заместителя начальника сочинского отделения МВД подполковника милиции М. Будиянова С. Кузьмичеву – Уполномоченному Совета Министров СССР по курорту Сочи-Мацеста, написанной в ноябре 1948 г. видно, что сторожевая охрана производственных и промышленных объектов города осуществлялась сторожами инвалидами или людьми преклонного возраста, но никаких сигналов о кражах и хищениях в городе не было: «Одновременной проверкой охвачено всего 163 объекта, охраняемых 129 сторожами. В результате проверки установлено, что охрана промышленных предприятий осуществляется объектовой сторожевой охраной, а в торговых точках, баз, складов – артелью инвалидов «Черноморец», состав которого укомплектован их инвалидами труда, Отечественной войны и лиц, имеющих преклонный возраст, с наличием больших физических недостатков, которые не обеспечивают должную охрану государственной, общественной и кооперативной собственности, сторожевой службы не знают, не имеют никакой сигнализации и связи» [10].

Милиция Сочи уделяла много внимания проверке путевок прибывших отдыхающих. Имели место хищения путевок. Так по санаторию «Донбасс» только в 1947 г. было зарегистрировано 5 хищений путевок, по санаторию «Красная Москва» – 2 [11].

В это время в других городах страны царил произвол бандитов и воров. В редакцию газеты «Правда» поступали письма от жителей страны о бандитизме, воровстве, хулиганстве в Москве, Новосибирске, Саратове, Пензе и других городах страны. Например, жители города Архангельска писали: «Безнаказанно орудуют шайки бандитов, терроризируют население города. С наступлением темноты жители боятся выходить на улицу. В кинотеатрах во время сеансов срывают головные уборы, ножами и бритвами портят верхнее платье. С наступлением темноты, часов в 7–8 вечера, жители запираются у себя в квартирах и никого не пускают» [12]. Не менее разительные факты о разгулах бандитизма в Днепропетровске приводит в своем письме Кушнарева: «Кончилась война. Труженики тыла и вернувшиеся с фронта лучшие люди города жаждут спокойного, культурного отдыха и плодотворной работы. Но они лишены этого. Невольно население города превращено в затворников, самозаключенных, так как в городе с 18 часов жизнь замирает. Царит бандитизм. Работающие на заводах и в учреждениях боятся лишнюю минуту задержаться на производстве, бросают работу, стремясь молниеносно пролететь до своего дома. Детей, учащих в вечерних сменах, родители не пускают на занятия. Студенты, живущие далеко, не посещают вечерние лекции» [13].

Рабочие подольского завода (г. Подольск Московской области) писали: «Хулиганствующие бандиты, воры останавливают мирных тружеников Подольска не только по вечерам, но избивают, раздевают, грабят среди бела дня, и не только в глухих улицах и переулках, но и на центральных улицах, в районах заводов, железнодорожной станции и даже около зданий горкома и горсовета. После работы рабочие собираются по несколько человек, чтобы безопасней было идти домой» [14].

Директор московского магазина № 3 «Оборотга», расположенного на Охотном ряду, писал: «В магазине на про-

тяжени нескольких месяцев обитает шайка в 10–15 человек паразитического элемента и других темных лиц. Эта шайка буквально терроризирует наших покупателей и служащих магазина. Угроза убить, откусить нос, ткнуть финкой по адресу дежурных администраторов магазина дошло до того, что работники подают заявления об увольнении с работы во избежание быть изувеченными или убитыми» [15].

Б.Ф. Ткаченко от имени жителей Пензы писал в «Правду» о действиях банды «Черная кошка», которая орудовала в Пензенской области: «Бандиты вооружены холодным и огнестрельным оружием. Милиция бездействует. На днях произошел поразительный случай. На главной улице города Пензы в магазинах от управления милиции был ограблен городской универмаг» [16]. Аналогичные сигналы поступали из Никополя, Челябинска, Шуи: «Мерзкие дела творят бандиты в поездах дальнего и пригородного сообщения. Воры снабжены, кроме оружия, бритвами и ножами, которыми вспарывают вещи пассажиров, а в иных случаях их бритвы гуляют по физиономиям пассажиров» [17].

В докладной записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Владимирской области А.М. Школьникова на имя Г.М. Маленкова «О неудовлетворительной работе органов милиции, суда и прокуратуры Владимирской области в борьбе с хулиганством, кражами, грабежами и другими преступлениями» было написано в 1946 г.: «За последние месяцы по Владимирской области наблюдается значительный рост преступности. Так, в первом квартале 1945 г. было совершено 1963 преступления, во втором – 2129, в третьем – 2460, а в октябре месяце совершено 902 преступления, что составляет 138 % к среднемесячному количеству преступлений первого квартала сего года. С мелким хулиганством в области органы милиции систематической борьбы вообще не ведут. По данным военного коменданта, за нарушение воинской

дисциплины и общественного порядка только в городе Владимире задержано офицеров, сержантов и рядовых в июле месяце – 1153 человека, в августе – 1049, в сентябре – 1538, в октябре – 3336» [18].

Не изменилось положение дел в стране с преступностью и в 1947 г. Докладная записка заведующего отделом Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) И.И. Поздняка секретарю ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличеву «О фактах увеличения преступности и хулиганства» свидетельствует: «Ленинградский, Куйбышевский, Свердловский, Молотовский, Орловский, Мордовский, Кулужский, Киевский, Омский, Кемеровский, Кировский, Крымский, Витебский, Саморкандский, Кашка-Дарьинский обкомы, Сталинский, Одесский, Ворошиловградский, Чкаловский, Губахинский, Каменьск-Уральский и Кировабадский горкомы партии отмечают, что за последние месяцы увеличилось число проявлений бандитизма, квартирных краж, уличных грабежей и хулиганства. Преступность возросла не только в городах и в рабочих поселках, но и в сельской местности. В большинстве случаев преступления совершают уголовные элементы, в прошлом судившиеся, и молодежь. В числе последних многие работают на предприятиях или являются учащимися. Нередко общественный порядок нарушают военно-служащие» [19].

Повсеместно увеличивалось количество квартирных краж и уличных грабежей. По данным прокуратуры Союза ССР за 11 месяцев 1946 г. было привлечено к судебной ответственности более 162,6 тыс. человек за квартирные кражи и свыше 34,6 тыс. человек за разбой и уличные грабежи. Кроме того, за это же время предано суду 13,8 тыс. человек за бандитизм, 9650 человек за убийство и более 66500 – за хулиганство [20]. Особенно широкое распространение преступность получила в Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Ка-

захской ССР, Калужской, Курской, Новосибирской, Ростовской, Ленинградской, Куйбышевской, Свердловской, Молотовской, Орловской, Крымской областях, Краснодарском и Алтайском краях [21]. Рост преступности отмечался и в городе Москве. «В третьем квартале 1946 г. вооруженных ограблений совершено в 4 раза больше, чем во втором квартале. В четвертом квартале прошлого года предано суду за квартирные кражи 2865 человек, грабежи – 419, бандитизм и убийства – 210 и хулиганство – 664 человека» [22].

Таким образом, курортный, образцовый город Сочи в послевоенный период, а точнее в первое послевоенное десятилетие, представлял собой образец порядка, благополучия, спокойствия. То есть, он был воплощением мечты о Городе – Солнце, о светлом будущем советского государства.

Литература

1. СИЭ. Т. 16. – М., 1976. – С. 235.
2. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.
3. Черноморская здравница (Сочи). 1978. 15 мая.
4. Личный архив О.В. Натолочной.
5. Личный архив О.В. Натолочной.
6. Личный архив О.В. Натолочной.
7. Личный архив О.В. Натолочной.
8. Личный архив О.В. Натолочной.
9. Личный архив О.В. Натолочной.
10. АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 22.
11. АОАГС. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 217. Л. 9.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 87.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 90.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 97.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 93.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 90.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 95.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 102. Л. 215.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 4.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 6.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2–12.